

Р. Бернс Узбранная лирика

Художественный редактор Т. И. Шелестюк

Куперник

Дизайнер и корректор

С. Фабусса. Ил. 1936

Редактор

Э. Вершинина

Художественный редактор

Я. Егоров

Технический редактор

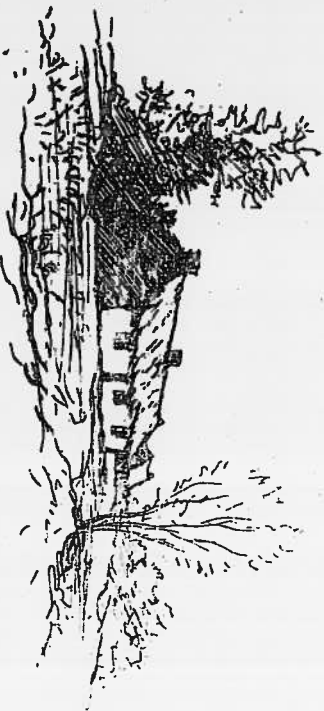
А. Цинго

Корректор

Н. Дегтярев и М. Лоренцо

Перевод, портрет, титлы и рисунки

Георгия Берендгофа

Ил. Скитница — Куперник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роберт Бернс (1759—1796), выдающийся шотландский поэт, родился в глинобитной крестьянской хижине в деревне Аллоуэй, в трех километрах от города Эйра, в юго-западной Шотландии. Глинобитная хижина тщательно сохраняется и по сей день, хотя айрские историки не совсем уверены, что это именно та самая хижина, в которой родился Бернс, великий поэт — гордость Шотландии. Несмотря на это, хижина все же предстает большой интерес как памятник условий крестьянской жизни в середине XVIII века.

О своем отце Бернс говорит, что нужна очень рано погнала его в люди. Долгие скитания по Шотландии в поисках заработка, служба в батраках у богатых фермеров и помещиков выработали в нем знание людей, умудрили его жизненным опытом и несколько вооружили в трудной борьбе за существование, которую приходилось вести шотландскому крестьянину. В тридцать восемь лет он устроился на более или менее постоянную должность садовника у одного небогатого помещика, женился, и первым его сыном был будущий поэт Роберт Бернс.

5.6.08 Саша

Зная на опыте, как тяжело жить в людях, отец Бернса решил во что бы то ни стало держать своих детей при себе, по крайней мере до тех пор, пока они станут самостоятельными. Небольшую ферму и на льготных условиях со стороны хозяйства Шотландии требовала огромной затратой сил, чтобы прокормить семью, уплатить налоги и аренду. В элек условиях Бернс, как он вспоминает, с восьмилетнего возраста был использован в хозяйстве в качестве рабочей силы.

Зачетки грамоты Бернс получил в своей деревне: школы там не было, но отец Бернса уговорил крестьян учить детвору, и деревня пригласила учителя, который обладал весьма скудными знаниями. Этот учитель кормился попеременно у крестьян Бернс учился не более двух лет — для большего не было времени. Все свои знания, какими он впоследствии обладал, он приобрел самоучкой. О своих сверстниках, имевших возможность учиться в городской школе, он говорит, что эти школьники, как актеры, хорошо готовили свои роли, чтобы потом выступать на сцене жизни, ему же приходилось только подслушивать и таким образом кое-что узнавать.

Однако общение с школьниками принесло Бернсу некоторую пользу. От них он кое-что перенял, брал книги для чтения, делился впечатлениями о прочитанном; один из школьничков даже познакомил Бернса с французским языком в такой степени, что дальше он мог заниматься самостоятельно. О тали и греческом Бернс мечтал до самой смерти, но так и не успел научиться. О своих друзьях, товарищах по играм и озорству он всегда вспоминал с теплыми чувствами. «Это был самый любимый возраст зеленой юности», — говорит Бернс. — Мы не чувствовали бедности и богатства. Они, чистенькие, холеные, красиво одетые, никогда не смущались фигурой крестьянского мальчишки, неотмываемой грязью руками, с загорелым и обветренным от постоянного пребывания в поле лицом». Но потом они, выходящие в школу свои роли, уходили играть каждый свою роль в жизни, а Бернс оставался один с доводящими до отчаяния трудом и нищетою шотландского крестьянина. Жалко думать, мечты об учении не могли быть удовлетворены: кругом

была сплошная неграмотность, нельзя было даже достать книги.

Бернс вспоминает об одной старушке, жившей в их семье. Эта старушка знала множество сказок и песен о чертах, колдуниках, ведьмах, домовых, леших, привидениях, бродячих покойниках, заколдованных бабках и замках и прочей чертовщины. «Этот мир ужасов, мир яркой образной фантастики», — вспоминает Бернс, — равнял мое воображение, но в то же время оканчивало на меня и отрицательное влияние, ибо, будучи уже совершенно взрослым человеком, я ночью выматывал отгадки в подворотельных по чертовщине местах, и хотя я был большим скептиком, все же мне приходилось усиленно прибегать к доводам разума и помощи философии, чтобы прогнать эти ужасы».

В это время Бернсу приходилось читать мало и без всякой системы. Первое, что ему попало в руки из области поэзии, было «Видение мара» и один из всаэмов Эдисона — произведение, не особенно высокие по своему художественному уровню. «Жизнь Ганнибала» и «История сэра Вильяма Уоллеса». «Ганнибал», — говорит Бернс, — так перевернул мои мозги, что я бредил военными подвигами и никак не мог дожидаться того возраста, в котором берут в солдаты, а «История Уоллеса» до такой степени заразила меня ответственными шотландскими предвещаниями, что я их унесу с собою в могилу».

В пятнадцать лет Бернс был главным работником в хозяйстве, но в науках мало продвинулся вперед. Книг не было, и с лучшими классиками он познакомился только в отрывочной форме. «Полный писемовник» и усердно занялся писанием писем, сравнивая свои с лучшими образцами, привлекательными в дачи совершенства. Об этом времени Бернс говорит как о «беспроектной глупости отшельника и труде каторжника». Дела усидли, чтобы «удержать голову поверх вола». Здоровье отца по хозяйству делал на Бернса и его младшего брата Джинья. В этой каторжной обстановке Бернс написал свое первое стихотворение, при обстоятельствах, изложенных в стихотворении «Хозяйшке Уочен-Хуэза».

Во время жатвы он был поставлен в пару с девушкой на год моложе его (четырнацати лет), и она пела песню, как по-том узнал Бернс, сочиненную крестьянским парнем в честь своей возлюбленной. Это удивило Бернса: он сам решил попробовать сочинять песни, тем более, что выробился в девушку, жавшую рожь вместе с ним.

«С этого момента», говорит Бернс,—во мне проснулись одновременно и поэзия и любовь, и она не покидала меня до последних дней моей жизни». Хотя любовь причиняла немало неприятностей и огорчений Бернсу на его жизненном пути, од-нако он считает, что, «вопреки обыкательскому благоразумию и философии бурсоведов, любовь есть величайший дар человеку от скупой природы». Бернс был всегда влюблен; до женитьбы, то есть до вступления в «законный брак», у него было пятеро де-тей (см. «Привет поэту своему незаконному ребенку»). Это об-стоятельство послужило причиной того, что Бернса упорно пре-следали и «обличады» в своих проповедях все окрестные попы.

К семнадцати годам Бернс прочитал сборник стихов Попа, некоторые пьесы Шекспира и по журналу «Спектатор» ознако-мился весьма поверхностно с вопросами текущей литературы и критики; писал стихи, но не был уверен в их художественном качестве, и никому, из боязни осуждаться, их не показывал, да и показывать-то было некому, по крайней мере рядом, не было авторитетного судьи в вопросах поэзии, послать же стихи в Лондон или в Эдинбург у него не хватало смелости. В это время, побуждаемый жаждой знания, Бернс послушал на курсах землемеров в Киркосвальде и занялся там месяца полтора стаканами, но не плохо овладел ими и с геометрии. Однажды мне было поручено измерить высоту солнца, и, му-чаясь над тригонометрическими величинами, я увидел девушку, сразу всю мою тригонометрию и пустило меня по тангенсу из сферы моих вычислений. С неделю я еще помучился над си-нусами и косинусами, но ничего не вышло, и я уехал домой. На ферме дела шли все хуже и хуже, со смертью поме-щика прекратились льготы, новый управитель начал пригнестить Бернсов, и они с трудом избежали догловой тюрьмы. «Повезде-ние этого управителя»,—говорит Бернс,—вызвало в моем пре-дставлении образ, который я запечатлел в поэме «Две собаки».

Пришлось искать другую ферму, и семья переехала в Мох-лин, недалеко от Эйра. Здесь обстоятельства несколько улучши-лись. Бернс вступил в кружок местных мазонов и по вос-кресеньям у церкви принимал активное участие в спорах пред-ставителей разных религиозных сект, как «Новый свет», «Ста-рый свет» и пр. Среди населения он стал известен как «сочи-нитель стихов» (smoker of pipes).

Бернс сделал попытку стать на собственные ноги и нашел себе компаньона, с которым открыл мастерскую по обработке льна. Но компаньон в самом начале его жестоко обжигил, в затаен мастерская спорела, и Бернс остался, по его собственному выражению, «как истинный поэт, с пустым карманом».

Бернсу было двадцать пять лет, когда умер его отец, и он с братом взял в аренду ферму в третьем месте, недалеко от Мохлина. Этот период оказался наиболее плодотворным для творчества Бернса, здесь написаны лучшие его произведения. Первое стихотворение, «Дошедшее до публики» (в рукописи), бы-ло «Святая ярмарка»,—ироническое выражение сожаления по поводу ссоры двух почтенных попов кальвинистского толка. Здесь Бернс впервые себя показал блестящим сатириком. Сти-хотворение это самому Бернсу нравилось, но все же, прежде чем пустить его в обращение, он из предосторожности пока-зал его одному знакомому, заявив, что это стихотворение пока-жется, но что он не знает, кто автор. Знакомый Бернса пришел в восторг от этой сатиры, и когда она дошла до пуб-лики, Бернс был встречен громом аплодисментов, «бурею одоб-рения». Следующее стихотворение—«Молитва святого Вильяма»—было встречено с таким же восторгом и так перепугало цер-ковный суд, что было созвано несколько заседаний подьяка и был произведен строгий смотр всей духовной тяжелой артилле-рии на предмет бомбардировки «рифмава-ерефика».

В этот период написаны «Веселые нищие», «Две собаки», «Субботний вечер поселения», «К полевой мыши», «К марга-рике» и много других мелких стихотворений, послуживших за-логом будущей славы поэта.

Но дела с хозяйством обстояли весьма плохо. Бернс с бра-том работали не покладая рук, а все никак не могли свести концы с концами. Призрак нужды неотступно следовал за мно-гочисленной семьей. Младший брат Бернса Джильберт часто упрекал его за «амурные и прочие сумасбродства», но находил утешение в прекрасных планах разбогатеть, которые рисовало

пыткое вообрáжение Бернса. Бернс достал книги по сельскому хозяйству, занимался стóрожáким учётóм, изучал рынок, но неудачи преследовали его: один год он посеял негодные семена, а на другой год позdная жатва разорила его почти окончательно.

Особенно возмущало и оскорбило Бернса следующее обстоятельство. Девидá Джен Армáур, дочь местного довольно зажиточного зодчего, забеременела от Бернса. Бернс дал письменное обязательство жениться на ней, но отец Джен Армáур разорвал обязательство и заявил, что нико́гда не выдáст дочь, даже опóроченную, за ничто. Бернс решил уехать на остров Яма́йку приказчиком к одному купцу. На доро́гу не было денег, и неделю их было доставать. Бернс прибег к весьма сомнительному, с его точки зрения, средству добыть деньги: он решил напечатать свои стихи. Начал собирать подписчиков на это издание и с великим трудом собрал триста пятьдесят человек. Несмотря на это, он рисковал и напечатал шестьсот экземпляров. Издание моментально разошлось, и Бернс не только покрыл все расходы по изданию, но и получил еще небольшую прибыль. Таким путем появилось знаменитое Кальрмáнновское издание, экземпляр которого ныне расценивается в тысячи фунтов стерлингов. К отъезду на Яма́йку все было готово, и больше не было препятствий. Но перед самым отъездом один из знакомых Бернса получил из Эдинбурга от доктора Влэ́клока письмо, в котором тот советовал Бернсу приехать в Эдинбург и предпринять второе издание, так как книга его пользуется там большим успехом. Поездка на Яма́йку была отложена, и Бернс уехал в Эдинбург, не имея там ни одной знакомой души. Но оказалось, что он был там широко известен в разных слоях общества и его хорошо приняли и в салонах аристократов, и в литературных кружках, и в кружках демократии. Аристократы и нем видели талантливое самородка, для них он был кладом как доказательство крепких убеждений шотландской деревни, а отсюда и величия Шотландии. Демократы видели в нем глáшная демократических идей, а литературные кружки восхваляли Бернса с точки зрения их направления. Бернс был настолько популярен, что сама герцогиня Гордон изъявила желание увидеть этого чудо́, граф Ланкорн сделался его покровителем. Слава — нещó хороша при условии, когда есть на что жить, а у Бернса как раз кроме славы ничего не было. Единственно полезным

для поэта почитателем оказался богатый книготорговец Крич, устроивший второе издание и напечатанный большое количество подписчиков. Это издание, хотя и сопряженное со многими хлопотами, дало Бернсу некоторый доход.

Под влиянием оказанного ему приема в Эдинбурге и удачно с изданием Бернс решил начать новую жизнь, и казалось, что путь к какой-то иной жизни открылся для него. Кто-то решил помочь ему устроиться. Знаменитый Адам Смит, автор «Исследования о природе и причинах богатства народов», практически смотревший на жизнь, советовал Бернсу устроиться на должность чиновника в солидном ведомстве: миссис Ленлоп, землячка Бернса, советовала ему и даже обещала оказать помощь поступить на военную службу; другие обещали устроить его на место чиновника в акцизном ведомстве и т. д.

Однако новую жизнь, оказалось, начать не так-то легко: Бернс решил вернуться в Моклин. Здесь его встретили с искренней радостью. Джен Армáур родила двойню, но, несмотря на это, отец ее все еще не давал согласия на брак.

Бернс предпринял две небольшие поездки — одну по южной, другую по северной Шотландии — с целью ознакомления с родной страной и пополнения знаний, ибо Бернс не оставлял мысли о том, что он в конце концов будет располагать достаточным доходом и сможет воспитать Шотландию так, как не воспитал еще ни один из ее поэтов. На всю свою преддупную десятилетнюю он смотрел только как на подготовку к большой серьезной работе. Но вырванные от издания стихов деньги таяли, из них он почти полностью дал брату, а на оставшиеся завел опять ферму и крепко усел в своей родной среде.

Джен Армáур по причине ее второй беременности отец выгнал из дому, и Бернс мог наконец жениться на ней. Началась опять упорная борьба с истощенной, бесплодной почвой. Бернс — опять в поле за плугом, и разоренная норка полевой мыши или выпавшая маргаритка напоминают ему о непрочности его собственного положения. Нотки глубокого пессимизма начинают звучать в его творчестве.

В это время Бернс пользовался большой популярностью, он вел обширную переписку с литераторами и близкими к искусству людьми Шотландии, он стал известен в литературных кругах Лондона, местные джентри искали его знакомства, и грнзущаясь между собой попы старались втянуть Бернса каждый в свою секту. При Эдинбургском университете была учреждена

кафедре агрономии, Бернсу предложили работать при ней, многие газеты и журналы предлагали ему сотрудничать в них, но Бернс уже в достаточной степени познакомился с капиталистической культурой, по крайней мере настолько, чтобы оттолкнуться от нее. У него к этому времени выработалось свое понимание ценности общественного человека — это человек труда. Он пишет «Честную бедность» и дает отповедь капиталистическому миру в «Послании к джентльмену, который прислал ему газету». Но нужна надвигалась, разорение фермера было такими быстрыми темпами, что не могли спасти положение даже довольно большие деньги, вложенные Бернсом в ферму, — он разорялся, как и все фермеры. Бернс вынужден был принять должность акцизного чиновника (по корочному сбору), это давало ему возможность кое-как существовать, но зато отнимало у него все его время. Днем и ночью, во всякую погоду он должен был объезжать верхом пыльные заведенья, разбросанные на пространстве двухсот с лишним километров. Ферму он оставил на двух братьяков, но скоро пришлось от нее совсем отказаться. В 1791 году Бернс сделался «выполне акцизным чиновником». Многие хлопотали за него, и предлагалось даже повышение его по службе в должность акцизного инспектора, но Бернс восторженно приветствовал Великую французскую революцию и не скрывал своих радикальных убеждений. Это испортило его отношения с начальством, и предлагаемое повышение не только не состоялось, но ему даже стало грозить увольнение со службы. Многие из его друзей и покровителей отшатнулись от него из страха скомпрометировать себя общением с «ужасным радикалом».

Несмотря на стесненное материальное положение и службу, отнимавшую много времени, Бернс все же успевал писать стихи, хотя, правда, очень мало. Постепенно он примирился со своими друзьями, и за него опять начали хлопотать, являясь возможностью устроить его на должность податного инспектора, которая вполне обеспечивала бы его материально и, что самое главное, давала бы много досуга, о котором он мечтал всю жизнь, творя урывками, в повозке, в поле, или за плугом или верхом на лошади объезжая свой акцизный район. Но досуга ему так и не пришлось дожидаться. Зимой 1795—1796 года он прободел и весной уехал на берег моря, а в июле уже был похоронен.

Причину столь ранней смерти Бернса многие его био-

графы видели в «беспутном поведении и причастии к спиритизму», особенно тогда, когда он служил акцизным чиновником и надзирает за питейными заведениями. Это утверждение, о которых в свое время Гейне сказал: «Тайком они пили вино, пить воду совету гласно». Это вариант той же поповской морали, которая не давала Бернсу покоя при жизни. На деле причины ранней смерти Бернса лежат в непосильном каторжном труде с семиднежного возраста; труд этот длился тридцать лет, труд тупого ковыряния в бесплодной земле во всякую погоду, — отсюда ревматизм и общая преждевременная изнашиваемость организма. Бернс умер, как говорили врачи его времени, от ревматической лихорадки.

Бернсу были устроены торжественные похороны: почти десять тысяч человек провожали его до могилы. Главную массу составляло фермерское крестьянство, в этой среде его особенно любили и гордились им, фермерское крестьянство хоронило с во его погреб. Похоронив, занялись своими делами, а многочисленная семья Бернса — жена и шестеро детей — осталась без всяких средств к существованию. Буржуазная фидантропия собирала невзначайную сумму денег, кое-что выручили от издания стихов, но все же детям Бернса пришлось тяжелым трудом пробивать себе дорогу так же, как их деду и отцу. Только много лет спустя после смерти Бернса двое из его сыновей, вернувшись из Индии одним полковником, другим капитаном, поставили на могиле отца памятник на свои средства.

Бернс жил в тяжелое для шотландского крестьянства время, в разгар промышленного переворота. Капиталистическая индустриализация Англии особенно тяжело отразилась на поработенных ею отсталых Ирландии и Шотландии. Шотландия, страна преимущественно земледельческая, испытала на себе значительно позднее, но зато в более резкой форме и в более широком масштабе, давление капитализма. В интересах массовой капиталистической индустриализации Англии происходила коренная ломка веками установившегося быта шотландского крестьянства и мелкой буржуазии. Бурное проникновение капитализма в деревню, концентрация земель в руках ставших на путь капиталистического производства буржуазных помещиков, помещиков, не изживших еще психологию феодалов, но уже обиданных жаждой расцветливости буржуа, — все это беспощадно уничтожало крестьянство, экспроприировало его, «освобождая» от земли собственной и арендуемой и вообще от всякого собст-

венности. Огромные массы разоренного крестьянства и мелкой буржуазии наполнили города, бродили по стране, нищенствуя и нищей в рудники и шахты, на фабрики и заводы, в армию и флот, военные и торговые, эмигрировали в колонии «искать счастья».

Эта огромная масса, политически аморфная, идеологически разрозненная, в силу своей социальной беспечности не могла оказывать никакого сопротивления капитализму, ибо обратный ход исторического процесса был не на ее стороне. Разорение этих масс, временное их деклассирование было неизбежно перед превращением их в пролетариат, который впервые потом более громко в мощном чартистском движении. На данный же стадии идеологи этих масс могли только олддактивать киваять гибель когда-то крепкой деревни, крепкой своим патриархальным бытом; Крабб в «Деревне» и «Фрикопских списках» тоже рисует ужасы быта разоренного капитализмом деревни. Идеологи разоренной мелкой буржуазии, пугаясь надвигающегося капитализма, идеализировали ремесленный быт средневекового: Чаттертон, Фергюссон и др.; идеологи разоренной части мелкого и среднего дворянства и отчасти даже вристократии тоже олддактивали гибель своего класса вместе с гибелью крестьянства, бок о бок с которыми они жили в продолжение нескольких их веков, это — Коупер, а затем Вордсворт.

Это литературное выражение тоски и горя вместе с идеализацией крестьянства и окружающей его действительности — пример — видялось своеобразной формой протеста против капиталистической действительности. Выхода из все ухудшавшегося положения идеологи мелкой буржуазии не видели. Отчасти вызывая к миосердию сельных, они главным образом противопоставляли капитализму прошлое, ожившее. Они отступили капитализму не с точки зрения противопоставления ему иной, более стойкой идеологии, а с точки зрения идеализации прошлого, которое неустойчиво.

В этом общем хоре протеста особенно сильно был слышен голос Бернса, идеолога среднего крестьянства, крестьянина-собственника, оказывавшего сопротивление капитализму и на-

привавшего все силы, чтобы удержаться на земле. У этой части крестьянства и близкой к ней части ремесленников выработка на которое должно ориентироваться все общество, он, следовательно, честного, делового трудящегося и попросту реального фермера» или ремесленника. Протестуя против социального неравенства, эксплуатации и угнетения, разделения труда пролетария капиталистического бесцеремония и жестокости, они всему этому противопоставляли свой идеал общественного человека, который в точности соответствует среднему фермеру и ремесленнику. Этот человек не стает продавать себя в рабство: он горд и независим.

В долге я дать не могу ничего —
И не должен и сам никому.
Господином я не был ничьим —
И не буду рабом никому.

(«У меня есть жена».)

Этот крестьянин гордится своей честностью. Он живет только своим трудом, и только благодаря этому он не раб и не господин». Ниже его в обществе — нищие, бродяги, батраки — это рабы. Он им сочувствует, они входят в его поле зрения, но они — отбросы, являя неразумно организованного общества («Бедные нищие»). А еще хуже господ, тираны, паразиты; там ложь, лицемерие, плутни, жестокость, пустота жизни («Две собаки»).

Человеческое общество было бы идеальным, если бы оно состояло не из нищих и борачей, не из рабов и тиранов, а из тружеников-крестьян и ремесленников. Только они могут жить основой разумного человеческого общества, и если общество хочет выйти из тупика, оно должно ориентироваться на этот идеал человека.

У Бернса действительность отражена с точки зрения идеала такого человека. Он наиболее полно охарактеризован в «Субботнем вечере поселения». Он независим, у него здоровый, неиспорченный ни нищей, ни богатством быт; у него дружная и крепкая семья, простая, безыскусственная, но здоровые радости; у него простая, не мудрствующая лукаво религия, с бо-гом он беседует дружески, без трепета раба и высокомерия гос-

подина; у него искренняя и чистая любовь, не содержащая в себе ничего экальтивированно-возвышенного или низменного; любовь, свободная от всяких иных вылиний, кроме чистого чувства, независимая от различных общественных пожеланий; осознанно хорошо принести любовь в жертву богатыню («О, как родители жестоки», «Деревенская девушка»); но в то же время не следует опускаться и до уровня бродяг и нищих, — это будет распутовство.

Бернс, защищая свой идеал человека, отрицает все противоречащее этому идеалу. Его человек крепко привязан к земле, труд на земле — для него великая радость («Веселый пахарь»); все, что относится к труду, достойно внимания. Как хороши поля ржи, пшеницы, зеленые межи, дуга, рожи! Вне крестьянской жизни, глина, поля, изредка ярмарки его человек не живет и не действует. Свидание среди колодезь пшеницы; Джинни замочила платье, пробираясь через росистую рожь. В песнях Бернса чувствуется запах переносимой плугом земли, слышатся скрежет плуга, свист косы и хруст травы. Поля и труд крестьянина прекрасны весной, летом, осенью, днем, лунной ночью, вечером, на рассвете...

Бернс глубоко чувствует и любит природу. Все в ней постоянно внимания: и большие картины, и мельчайшие детали. Он замечает припадленную землю, сияющую во время пахоты маргаритку, разоренную плугом норку полевой мыши, видит, как блещит роса на крыле малиновки, видит, как танцуют снежинки, прикасаясь к поверхности замерзшей реки; он дает яркие пейзажи берегов рек Эйра, Дуна, Твидя, Ди, — живыми красками он рисует природу во всем ее многообразии. Его глубокие переживания тесно связаны с трудом и природой, каждый оттенок переживания находит соответствующий тон в природе; он сам — часть природы, он слился с ней. Но Бернс не может скрыть своей грусти, и чем прекраснее картины природы в целом или в деталях, тем глубже грусть на их фоне: веда звучат жалобы на современность, и веда бесплодность за будущее, боюсь, что вся эта красота может погибнуть вместе с человеком, достойным ее.

Ярко реалистически отражен у Бернса быт крестьянства: веселье во время отдыха, парни и девушки, любовь, световое, народные песни и пляска, обычай, суеверия, предрассудки, горести и радости, труд и огни. Яркость изображения не угасает глубине лиризма, искреннего и задуманного. У Бернса

нет ни малейшей аффектации, ни малейшего признака кокетничанья чувством, столь свойственных романтикам.

Крестьянский мир Бернса отторгается от всего остального мира, замкнулся в себе самом, все с ним не связанное и ему чуждое его не интересует. Он не хочет знать о делах мира даже из газет, не хочет участвовать в его делах. Такое отношение к внешнему миру обусловлено отсутствием каких бы то ни было средств защиты. Бернс все же не уходит, подобно романтикам, от современной ему действительности в далекое прошлое, — он крепко держится за современную ему действительность. Ему чужд мир фантастики, в нем он не ищет забавы и успокоения. Творчество его глубоко реалистично и актуально, но актуальность эта относительна, она ослаблена в значительной степени его политическим индифферентизмом. Все это определило характер бернского демократизма. Мы чувствуем его демократизм, когда он направлен против определенных слоев капиталистической действительности, против духовенства и аристократии, когда защищает идеал общественного человека. Но в то же время этот демократизм становится поговорочным и разлитываемым, когда пытается подняться до высоты широкого социального протеста. Бернс совершенно не представлял себе, какими путями можно осуществить его социальные идеалы, он даже не думал о методах борьбы за новое человеческое общество, состоящее хотя бы из идеальных фермеров. Дальше требования парламентской реформы, облетчающей положение фермерства, ни он, ни его среда не шли. В своем национализме он так и не смог подняться хотя бы до понимания национально-освободительной борьбы. Он воспекает прославленное величие Шотландии, ее свободу и независимость, ее великих людей и патриотов, которыми была сильна когда-то его родина, в то же время совершенно ничего не предпринимая для борьбы за ее свободу в настоящем. Правда, у него кое-где прорываются симпатии к якобитам, выдавшим спасение Шотландии в реставрации королевской власти изгнанных английской буржуазией Стюартов. Но с этой безнадежной идеей в его время носился только махровые реакционеры из феодально-попковского лагеря и наиболее отсталые слои крестьянства. Якобит и демократ — понятия диаметрально противоположные. В стюарторечии «Вы, так называемые якобиты» Бернс предлагает якобитам не возновить народ, оставив его в покое и бросить идею восстановления Стюартов.

Бернс приветствовал Великую французскую буржуазную революцию, энергично стал на защиту ее идей, подлая, что естественно следствием революции будет победа его идеалов, что организуется общество без рабов и тиранов, без нищих и борющихся французскую революцию, пока выйд в ней лишь борьбу народа против аристократии и попов, но когда движение, вызванное ею, перекинулось частично и в другие страны, он увидел в нем опасность для фермера и отшатнулся от нее. Он совершенно не понял значения французской революции и кончил тем, что стал на сторону реакции, заговорил о «надменных тапках», угрожающих нашествием Англии, и поклявшись, что «никогда нора иноземного врага не будет попирать британскую землю», вступил добровольцем в армию.

В своем демократизме Бернс не смор поддаться хотя бы до уровня мелкобуржуазных радикалов, организовавшихся в Лондонское корреспондентское общество (1792), членами которого были Уильям Годвин, написавший в это время «Людвигическую справедливость», журналист, поэт и драматург Томас Голькрофт и другие. Это общество воспитало много революционных демократов и представляло такую угрозу для британской реакции, что члены его подвергались не раз заключению в тюрьмы и выслались в колонии.

И все же, несмотря на овою расглядываемость и подлинную тость, демократизм Бернса имел в известной степени революционно-понижающее значение, особенно на первых ступенях рабочего движения в Англии. Это значение творчества Бернса по справедливости оценил Байрон. Его ценная и ценят все те, кто в первых рядах вели и ведут борьбу против рабства и тирании, против угнетения и эксплуатации, все борцы за новое человеческое общество без попов, аристократов и капитала.

Как мастера песни Бернса можно сравнивать только с великим французским песенником Беражане. Песни Бернса и теперь поют в Шотландии и Англии, поют многие даже из тех, которые не слышали ни слов их автора. Песни Бернса, выросшие на народных мотивах и подпеты на большую художественную высоту, опять пошли в народ и крепко в нем держатся. Всякая музыкальность его стиха, построение, рассчитанное на пение, а не на чтение, наряду с глубокой лиричностью ярким красочным образом ставит Бернса как художника на одно из

первых мест в мировой литературе. Шотландцы называют его своим Шекспиром.

Его острые, меткие сравнения и образы вошли в разговорный сленг на асканских, многообразные размеры, построение ритма народной песни — все это ставило перед переводчиком часто непреодолимые трудности. Разумеется, не может быть речи о точной передаче в переводе бернсовского размера, ритма и сохранения в то же время смысла во всей его точности. Бернс — один из самых трудных поэтов для перевода, его произведение можно сравнить по трудности передачи на другом языке с «Торей от ума» или с «Кому на Руси жить хорошо». Эти произведения переведены на английский язык (первое произведение, второе стихами), и такой перевод может оценить тот, кто представляет себе особенный характер этих произведений. Англичане о всяком переводе говорят, что он относится к подлиннику как занавеска к лицевой стороне ковра: узоры и рисунок сохраняются, но значительно тускнеют. Переводчица Бернса как можно ближе к подлиннику, не в смысле точной передачи размера в ущерб содержанию или наоборот, а в смысле передачи стиля Бернса или духа его творчества, делая только иногда незначительные отступления в деталях.

С. Бабух.

